

**МАША
ТРАУБ**

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
НЕ МАМКАЙ!
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ
ВСЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОТЕЛЕ

МАША
ТРАУБ

Все, что произошло
в отеле

Москва
2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Оформление серии и переплета: *Александр Кудрявцев*,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.
Т65 Все, что произошло в отеле / Маша Трауб. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-176510-1

Идиллический отель на берегу залива. Покой и благолепие. Однако отпуск некоторых гостей портит исчезновение и возможное убийство одной из постоялиц. У каждого из свидетелей – свои тайны. Приехавшего следователя тоже с этим отелем многое связывает. Показания каждого участника событий становятся исповедью, поиск пропавшей – поиском самих себя и – поиском родных людей и места, которое можно назвать домом.

Маша Трауб

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-176510-1

© Трауб М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Когда я поняла, что все люди — идиоты? Если честно, давно. Кажется, я уже родилась с этим знанием. Наверное, в детстве еще сомневалась — ну не могут же быть абсолютно все взрослые такими... неразумными, не способными хоть немного рассуждать здраво и смотреть хотя бы на полшага вперед. Нет, все живут сегодняшним днем и действуют по принципу «сгорел сарай — гори и хата». Но, видимо, меня окружали именно такие люди — не пользующиеся мозгами даже на один процент, совершающие лишенные всякого смысла поступки. Поддающиеся сиюминутным желаниям, не задумываясь, к каким последствиям они приведут. Но хотя бы риски ведь оценить можно?

Начнем с меня. Мне пятнадцать лет, я считаюсь трудным подростком лишь потому, что мне пятнадцать. И не важно, как я при этом себя веду. А веду я себя очень спокойно. Предпочитаю читать книги и слушать классическую музыку. Если бы вы послушали то же, что и некоторые взрослые, тоже перешли бы на Чайковского.

Маша Трауб

В школе я считаюсь тихоней. Не зубрилой, не ботаном — просто некой тенью, которая занимает третью парту в ряду у стены. Учителя про меня вспоминают, только если наткнутся в журнале на фамилию. А так.. все внимание обычно сосредоточено на тех, кто сидит у окна и посередине. Так уж устроен человеческий мозг — замечает то, что справа, а слева уже не столь важно. Кажется, даже учителя так и не смогли поставить мне диагноз. Если спрашивают — я всегда отвечаю, если не спрашивают — молчу. Тесты и контрольные пишу прилично, на списывании меня никогда не ловили. Я не яркая, не наглая, не шокирую внешним видом. Обычная, среднестатистическая девочка из тех, кого не запоминаешь ни с первого, ни со второго взгляда.

Меня зовут Таисия. Тася, Туся, Тая, Ася... Как меня только не называют. Какое редкое имя! Ну не такое уж редкое, учитывая, что в нашем классе есть Анна-Мария, Аврора и Зоя... Зайдите в класс к первоклашкам — вообще имена никогда не выучите. Почему мама меня так нарекла — а это была исключительно ее инициатива? Потому что во время беременности ей в руки попала книга «Таис Афинская». Мне, можно сказать, повезло — мама под впечатлением назвала меня в честь... э... гетеры... то есть проститутки, но не самой, так сказать, известной. А вдруг бы ей в руки попала другая книга? Тогда бы меня назвали Сонечкой, На-

Все, что произошло в отеле

ной или Маргаритой. Лучше уж Таисией. Спасибо женщине в ЗАГСе, которая в свидетельстве о рождении записала именно так — Таисия, а не Таис, на чем настаивала моя родительница. Та милая женщина сказала, что такого имени нет, записать именно так она не имеет права, поэтому запишет как положено. В подростковом возрасте я прочла «Таис Афинскую», она мне совершенно не понравилась, и я все гадала: а мама вообще поняла, что назвала меня в честь проститутки?

Есть еще одна проблема. Некоторые девочки в пятнадцать выглядят как.. Ну они и набоковскому Гумберту показались бы староватыми и перезрелыми. А у меня мальчишеская фигура. Видимо, пошла в отца. Иногда ловлю взгляд мамы в зеркале. В нем читается жалость, что ли. Да, я не могу похвастаться роскошной грудью, как моя родительница, у которой это предмет гордости. Грудь у меня, конечно, есть, но мама как-то заметила, что таких, как я, раньше называли «доска два соска» или «плоскодонка». А еще «волшебница». Потому что, если поднять руки, грудь исчезает. Вот и скажите мне, что это не полный идиотизм. Мама еще смеялась, как смеются хорошей шутке.

— Тебе не понять, — хмыкнула она, когда я спросила, что смешного-то. Пошлость и тупость. Я уж молчу про то, что слышать подобные замечания от собственной матери, скажем так, неприятно.

Маша Трауб

Я достаточно высокая для своего возраста и худая. «Проще убить, чем прокормить» — любимое замечание моей родительницы, хотя ем я мало на самом деле. Поскольку я эту фразу слышала с раннего детства, к подростковому возрасту у меня выработался стойкий иммунитет на нелестные замечания о моей внешности. Мама же — мягкая во всех местах. Если она смеется над моей фигурой, то зачем запихивает себя в утягивающие панталонны? Стесняется своего живота и бедер? Однажды она поймала мой взгляд в зеркале и отреагировала резко:

— Я выносила и родила тебя! Поэтому у меня есть живот! И растяжки на бедрах! Вот посмотри, чем ты меня наградила!

Она стянула панталонны и продемонстрировала исполосованные растяжками и целлюлитом ноги. Мне хотелось сказать, что я никак не повинна в своем появлении на свет, но, как всегда, промолчала. Мама же решила, что я как-то неправильно отреагировала и швырнула в меня панталоннами. Я не ожидала, не успела увернуться... Знаете, когда тебе в лицо прилетают материнские панталонны, это не больно, конечно же, но кажется, что всё. Черта пройдена. За край уже заступили, и назад пути нет. Может, дело именно в нижнем белье, может, в том, что панталонны прилетели в лицо, — не знаю. Но именно в тот момент я поняла — всё. Невозможно ни простить, ни принять. Мама этого

Все, что произошло в отеле

не почувствовала: собираясь на встречу, которую она всегда называла рабочей, как прежде, заходила ко мне в комнату и вертелась перед зеркалом. В моей комнате в шкафу зеркало было в полный рост, а в ее — небольшое. Я не понимала, почему нельзя поменять шкафы, и несколько раз предлагала это сделать.

— Я тебе что, мешаю? — возмущалась мама.

— Нет, но так будет удобнее. Тебе, — отвечала я, вместо того чтобы ответить честно: да, мешаешь, даже очень.

— Как я выгляжу? — спрашивала мама, будто я была ее подругой.

— Нормально, — пожимала плечами я, сидя над домашним заданием.

— Это ты от зависти, да? — тут же срывалась мама. И вот как я должна была объяснить взрослому человеку, собственной матери, что у нас с ней иные связи? Родственные. Мать и дочь. Мы не соперницы, не подруги, не знакомые. Это я в своем подростковом возрасте должна спрашивать, как я выгляжу, а не она. Это она должна обо мне заботиться, а не я о ней, каждое утро готовя завтрак на двоих — себе и ей.

— Тебе что, сложно сварить еще одно яйцо? — искренне не понимала мама, когда я ей однажды на это намекнула.

Или мне надо было напрямую сказать ей, что мать не должна выглядеть как... гетера, а именно

Маша Трауб

так она и выглядела, собираясь на встречи? Что мне, может быть, как минимум неловко наблюдать, как она собирается и уходит, и слышать, как возвращается, иногда не одна? Мама считала меня достаточно взрослой для того, «чтобы понимать ситуацию», как она выражалась.

— Я еще молодая женщина! — кричала она. — Ты должна меня понимать.

Да, наверное. Но не понимала. Как можно было связываться с такими идиотами? Как можно ложиться с ними в одну постель? А мама выбирала исключительно идиотов, что подтверждало мою теорию. Умные люди — исключение из общего правила. Счастье, если тебе встретится умный человек.

Моя родительница была убеждена, что я отстаю в развитии. Она имела в виду и физическое, и умственное. Про физическое замечала с нежной жалостью в голосе, что «может, грудь еще и вырастет немного». Или что «некоторым мужчинам такое нравится, вдруг и замуж сможешь выйти». Эту фразу она произносила, имея в виду исключительно маньяков и извращенцев. Потому как нормальному мужчине, с ее точки зрения, маленькая грудь нравится не может. Или «ну мало ли сумасшедших... вдруг вы и встретитесь». Это уже относилось к тому, что мне, возможно, попадется на пути маменькин сынок, непременно очкарик с жирными, невымытыми волосами, жалкой боро-

Все, что произошло в отеле

денкой, бледный и тощий, или, наоборот, упитанный, как поросенок, зато начитанный, как и я. То есть не от мира сего.

Личного счастья она мне если и желала, то явно не с принцем на белом коне. Мол, довольствуйся хоть кем-то — и то радость. Обижалась ли я не нее? Нет. У каждого свое представление о прекрасном. Мне вот ее Пашечка — предпоследний поклонник — казался маньяком: взгляд бегающий, глазки маленькие, собранные в кучку на переносице, лицо со следами подросткового акне, подбородок безвольный. Пашечке, как называла его моя мама, явно стоило почаще принимать душ и получше промывать свои жирные космы, разметанные по плечам. Моя родительница находила его романтичным и тонко чувствующим. Ну у каждого свой принц.

Зачем я об этом рассказываю? Чтобы вы поняли — дети видят больше, чем вы, взрослые, думаете. И слышат тоже, кстати. А часто и лучше соображают. Если человек сидит и молчит, его рано или поздно начинают принимать за тумбочку. Если он в какой-то момент открывает рот, чтобы сказать, например, «спасибо» или «доброе утро», смотрят так, будто тумбочка вдруг заговорила.

Когда у меня спрашивают, сколько мне лет, и слышат, что пятнадцать, быстро отстают с разговорами, будто я заразная. Взрослые очень боятся подростков. Они считают нас неадекватными

Маша Трауб

«от слова “совсем”», как иногда выражается моя родительница, и этот оборот меня не просто раздражает, а бесит. Как и выражения мамы моей лучшей подруги Ники. Та просто обожает говорить «я в ресурсе» или «я не в ресурсе». Но она — психолог, так что я списываю это на профессиональную деформацию. О Никиной матери я расскажу чуть позже. Так вот, товарищи взрослые, подростковые взрывы эмоций, категоричность, а точнее честность, кажущиеся вам странностями в поведении, не передаются воздушно-капельным путем, как простуда. Или ветрянка, например. Еще раз повторяю — не все подростки мечтают набить себе татуху на лице, ходят с лезвием в кармане, чтобы нанести себе порезы, не все употребляют наркотики и завтракают энергетиком, заедая чипсами. Я же говорю: люди — идиоты.

Опять же вот моя мать. Поверьте, я никак не хочу ее обидеть, это просто констатация факта. Иначе зачем она покупает мне заколку в виде цветочка? Или лак для ногтей розового цвета? Преподносит так, будто живого единорога в квартиру привела. Я говорю спасибо. Не могу же я объяснить собственной матери, что мне уже не пять лет. И единорогов, кстати, терпеть не могу. Мама же, покупая очередную пижаму, густо усеянную единорогами, будто сбжавшими из психлечебницы, уверена в обратном. Она все-таки удивительная женщина. Иногда я ею даже восхи-

Все, что произошло в отеле

щаюсь. Точнее, ее умением не замечать того, что находится под носом. Перед этой поездкой я сделала на руке временную татуировку: переводилку, которая выглядит как настоящая и держится две недели. Первое время скрывала под рубашкой с длинными рукавами, все еще надеясь, что моя родительница поведет себя как нормальная мать. Заломит руки, например. Зальется слезами. Прочтет нравоучительную лекцию. В Москве тогда стояла адская жара, все ходили чуть ли не голыми, а я — в рубахе с длинными рукавами. Потом мне надоело париться — в прямом и переносном смысле этого слова, — и я надела футболку. Но моя родительница ничего не заметила. Интересно, она знает, что такое переносное значение слов? Мне кажется, нет. У нее вообще плохо с аллюзиями, ассоциациями, я уж не говорю про игру слов или юмор, который требует хоть какого-то шевеления извилин. Нет, не подумайте. Я люблю свою мать в той мере, в какой ее может любить дочь-подросток, которую считают «наказанием всей жизни». Я ей благодарна за то, что она подарила мне жизнь. Она любит мне это напоминать с невыносимым пафосом, которого даже не замечает: «Я же подарила тебе жизнь!» Я не считаю ее худшей матерью на свете — она, во всяком случае, не оставила меня в доме малютки и не отправила в детский дом, хотя вполне могла, с нее станется. «Я дала тебе все, что могла!» — иногда кричит она,

Маша Трауб

и я в это верю. Да, действительно, все, что могла. Не дала умереть с голоду, это да. Не заставила скитаться по улицам — тоже спасибо огромное. Пусть и в самый последний момент записывала в детский сад, школу. Так что, можно сказать, обеспечила мне стандартное образование.

— Когда же тебе исполнится шестнадцать?

Мама задавала этот вопрос приблизительно с моих шести лет. В детстве я очень пугалась, не зная, что должно произойти именно в шестнадцать: уколюсь о веретено и усну беспробудным сном? Буду спать в хрустальном гробу? Став старше и прочитав некоторое количество книг, я думала, что мама боится моей смерти в родах, что часто случалось с героинями в романах. Или что меня обесчестят, я «принесу в подоле», окажусь на паперти. Проблема была в том, что я не до конца понимала значение слова «обесчестить» и кого и куда я должна «принести в подоле». Ну и паперти в нашей округе не наблюдалось. Еще спустя некоторое время я задала маме вопрос в лоб, почему она так ждет моего совершеннолетия.

— Тогда ты получишь паспорт и сможешь работать. Мне не нужно будет тебя содержать, — ответила мама, глядя так, будто я задала ей самый глупый из всех возможных вопросов.

— А если не смогу найти работу? Если захочу учиться в институте? — уточнила я, потому что

Все, что произошло в отеле

очень хотела поступить в институт. Ведь именно там я смогу заниматься тем, что мне нравится больше всего, — читать книги.

Мама пожала плечами. Мол, твои проблемы. Я-то тут при чем? Все, живи своей жизнью. Но пока мне пятнадцать, так что мама все еще меня содержит и терпит. Наверное, я должна быть ей за это благодарна.

Но благодарность не мешает мне считать родительницу... ну ей недостает образования, я бы так сказала. Нет, она не дура. По-своему, конечно. Но хотелось бы, чтобы она хотя бы пару-тройку книг из классической художественной литературы прочла. Может, что-то и откликнулось бы в ее душе, параллели бы какие-то сложились. На самом деле я знаю, что этого не случится никогда, но мне же как-то надо оправдать собственную мать? Читать она не любит. Говорит, голова начинает болеть. И почти сразу засыпает — ей скучно. Я подкладывала ей книги, надеясь, что она увлечется сюжетом, но все напрасно. Мама ни одну не открыла.

Не то чтобы она предпочитала женские журналы, разгадывание кроссвордов или sudoku. Буквы, любые, наводят на нее смертельную тоску. Наверное, в этом я тоже пошла в отца — меня как раз буквы завораживают. Читать, наслаждаясь аллегориями, игрой слов. Следить за развитием сюжета — как тут уснуть? Плакать над судьбами